

Михаил Одесский, Татьяна Михайлова

ЖИЗНЬ
И СМЕРТЬ
ГРАФА
ДРАКУЛЫ
ПОДЛИННАЯ
БИОГРАФИЯ
ОДНОГО
КУЛЬТУРНОГО
ГЕРОЯ

Санкт-Петербург

УДК 168.522
ББК 71.05
О 41

Оформление обложки Вадима Пожидаева
Иллюстрации на обложке Марии Волохонской
*Ранее книга «Жизнь и смерть графа Дракулы.
Подлинная биография одного культурного героя»
издавалась под названием
«Граф Дракула. Опыт описания».*

ISBN 978-5-389-31487-0

© Т. А. Михайлова, М. П. Одесский, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Введение

Вампир — уникальный персонаж. И по-видимому, уникальность его таится в том, что он — предмет не классически чистых фольклорных штудий, но — да простится академический жаргонизм — междисциплинарных исследований. Если же обойтись без профессионального арго и пытаться найти адекватную формулу, то образ вампира подлежит определению не посредством привычного исторического анализа (от фольклорного зарождения образа — к проникновению в литературу и массовую культуру), а, так сказать, в «обратной перспективе»: от тиранического доминирования в современном социуме — к фольклорному источнику. А точнее, требуется совмещение и постоянное переключение двух «перспектив» — исторической и «обратной».

Такого рода методологическая специфика обусловлена явной диспропорциональностью между

значимостью вампира в культуре XX–XXI вв. и его локальностью, смутностью, нечеткостью (слабой дифференцируемостью среди близких сверхъестественных существ) в традиционном фольклоре.

Компоновочный состав образа вампира, который манифестируется в исторической и «обратной» перспективе, чрезвычайно сложен.

1. Вампир — подобно ведьмам, привидениям, колдунам — образ, который функционировал в традиционном фольклоре различных народов как интерпретативная реакция на некие события (бытовые, медицинские, ритуальные и т. п.).

2. В традиционный фольклор справедливо включать «вампирические» репутации некоторых государственных деятелей (прежде всего — валашского воеводы XV в. Влада Дракулы).

Однако само по себе возникновение легенды о политиках-монстрах, наделенных сверхвозможностями, никак нельзя относить к дифференциальным признакам вампиров: к примеру, полоцкого князя Всеслава Брючславича летописи изображают оборотнем, а соратник Петра I Яков Брюс слыл колдуном. Своеобразие монстров-кровососов здесь выражается в другом: слава Дракулы-вампира распространилась не современниками, а английским писателем рубежа XIX–XX вв. Брэмом Стокером. И хотя есть основания предполагать, что современники думали о своем государе примерно то же самое, но без стокеровского романа исследователи этим едва ли занялись бы и едва ли эксплицирова-

ли бы скрытое «вампирическое» послание XV в. «Вампирическая» репутация валашского воеводы открывается исключительно в «обратной» перспективе, а в исторической перспективе эта репутация, по мнению, например, патриотически настроенных румынских историков, вообще не существовала.

3. Вампир — в отличие от «соседних» пород оборотней, возвращающихся покойников и т. п. — получил известность благодаря усилиям не столько фольклористов и любителей народной старины, сколько бюрократов и теологов-пропагандистов.

Имеется в виду основательно изученная вампирическая эпидемия XVIII столетия — в эпоху Просвещения, которую авторы соответствующих книг неожиданно именуют «Золотым веком вампиризма». Традиционно считается, что «эпидемия» началась на Балканах в 1720-е гг., однако это не совсем так. XVIII в. по каким-то не совсем ясным причинам лишь дал возможность распространиться эпидемии, «вирус» которой существовал практически всегда на юге полуострова, то есть в Греции. Еще в 1657 г. в труде иезуита Франсуа Ришара, который описывал свою миссию на островах Греческого архипелага, говорится, что выходцы из могил (а не вера в них!) распространены там необычайно широко:

Я узнал от одной достойной веры особы, что на острове Амурго эти ложно воскресшие до такой степени обнаглели, что иной раз их встречали среди бела

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ГРАФА ДРАКУЛЫ

дня на каком-нибудь поле, где они, собравшись впятером или вшестером, притворялись, будто едят сырые бобы. Когда я слушал эти рассказы, мне часто хотелось, чтобы хоть один из наших французских атеистов, которые, стараясь выглядеть вольнодумцами, ничему не желают верить, потрудился приехать в эти края и поверить не ушам своим, но глазам и увидеть с совершенной ясностью, как сильно они заблуждаются, убеждая себя, будто, когда человек умирает, все умирает вместе с ним¹.

Через пятьдесят лет греческие «не-мертвые» переселились на континент, начали появляться в городах, и, как пишет уже в 1701 г. в «Путешествии на Восток» французский дипломат Питтон де Турнефор,

люди самого высокого ума были, казалось, задеты не меньше прочих: это была настоящая психическая болезнь, не менее опасная, чем мания или бешенство. Мы видели, как целые семьи покидали свои дома и со всех концов города тащили свои убогие лежа на площадь, чтобы провести там ночь...²

Не прошло и четверти века, как «болезнь» двинулась дальше, на север. В 1725 г. венгерского крестьянина Петра Плогойовица после его смерти сочли вампиром и обвинили в кончине восьми человек в деревне Кизилова, а в 1726 г. другого

¹ Вильнев Р. Оборотни и вампиры / Пер. с фр. М., 1998. С. 116.

² Там же. С. 117.

крестьянина, серба Арнольда Паоля, умершего после падения с сеного воза, — в истреблении части населения и скота в деревне Медвежьей. Дела были заведены на территории Австрийской империи — державы образцовой бюрократии — и сопровождались аккуратными протоколами (в которых, похоже, впервые был использован термин «вампир»). В процессе расследования дела Паоля военный врач Флюкингер составил протокол *Visum et repertum* («Увидел и записал»), который был скреплен подписями других врачей и офицеров. Протокол был опубликован в 1732 г. и получил европейский резонанс: поднялась «целая волна трактатов и диссертаций о вампиризме; бесчисленные дискуссии и споры велись также в литературных кругах и университетах»¹.

Обсуждение «*Visum et repertum*» в периодике обусловило проникновение слова «вампир» во французский и английский языки. Церковь была принуждена реагировать на новое суеверие. Монах Августин Кальме составил двухтомный трактат о «привидениях во плоти, об отлученных от церкви, об упырях или вампирах; о вурдалаках в Венгрии и Моравии» (Париж, 1746). Опровергая веру в вампиров, Кальме систематизировал и представил столько случаев, что его трактат парадоксаль-

¹ Мариньи Ж. Дракула и вампиры: Кровь за кровь / Пер. с фр. М., 2002. С. 48.

ным образом стал неисчерпаемым источником для вампирической литературы.

Нетрудно догадаться, что философские звезды негодовали по поводу веры в вампиризм, одновременно способствуя аллегоризации и трансплантации термина в область социологии, где он указывал на паразитов-эксплуататоров. В специальной статье «Вампиры», вошедшей в знаменитый «Философский словарь» (1764), Вольтер саркастически иронизировал:

Что! Это в нашем-то восемнадцатом веке есть вампиры! В них поверили; и это после Локков, Шефтсбери (...), во времена д'Аламберов, Дидро (...); преподаватель отец Дон Августин Кальме, священник, бенедиктинец конгрегации Сен-Вана и Святого Гидульфа, аббат Сенона — аббатства, приносящего 100 000 ливров ежегодно, соседствующего еще с двумя аббатствами с теми же доходами, — опубликовал, и не один раз, историю о вампирах с одобрения Сорбонны (...). Эти самые вампиры — мертвецы, которые выходят ночью из своих могил, чтобы приходиться к живым и высасывать их кровь либо из горла, либо из живота, после чего они снова укладываются в свои ямы. Живые от укуса вампира худеют, бледнеют, чахнут, а мертвецы-кровососы жиреют, приобретают здоровый цвет лица и вообще выглядят весьма аппетитно. Они устраивали свои застолья в Польше, Венгрии, Силезии, Моравии, Австрии, Лотарингии. Ни в Лондоне, ни даже в Париже о вампирах и не слышали. Я признаю, в этих городах есть биржевые игроки,

трактирщики, деловые люди, которые средь бела дня пьют кровь народа; они, конечно, испорченные, но не мертвые. И проживают эти настоящие кровососы отнюдь не на кладбищах, а в очень удобных дворцах¹.

Автор современной содержательной статьи, приведя также цитату из написанного Ф. Клингером — представителем движения «Буря и натиск» — романа «Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад» (1791), где король Людовик XI пьет кровь младенцев «в безумной надежде, что его старое, дряхлое тело помолодеет от свежей и здоровой детской крови», справедливо замечает, что «эта аллегорическая интерпретация темы в дальнейшем глубоко укоренится в общественно-политической речевой практике и, наложившись на новые социально-экономические реалии XIX в., породит известную формулу Маркса о присущей капиталистическому производству „вампировой жажде живой крови труда“»².

Можно подытожить, что источник сведений о вампирах первоначально имел «документальный» характер, а это закономерно придавало образу мертвецов-кровососов достоверность.

4. «Документальность» вампиров несколько отошла на второй план, когда их актуализировала ро-

¹ Цит. по: Там же. С. 110–111.

² Антонов С. Тонкая красная линия: Заметки о вампирической парадигме в западной литературе и культуре // «Гость Дракулы» и другие истории о вампирах: Сб. СПб., 2007. С. 25.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ГРАФА ДРАКУЛЫ

мантическая литература, приравняв тем самым к другим сверхъестественным существам, востребованным эпохой.

Обстоятельства романтической актуализации хорошо известны. В 1816 г. английские путешественники — поэты Байрон, Шелли, Мэри Шелли, врач и секретарь Байрона Джон Полидори — на вилле Диодатти (близ Женевского озера) развлекали себя страшными историями. В итоге Мэри Шелли создала эпохального «Франкенштейна», а Полидори обработал сюжет, намеченный Байроном. В 1819 г. «Вампир», написанный врачом-секретарем и объявленный повестью Байрона, был напечатан вначале в журнале, потом — отдельным изданием. Байрон поспешил отказаться от авторства и опубликовал тот небольшой фрагмент, который он в действительности создал. «Вампир» Байрона — Полидори немедленно завоевал сердца читателей, в частности в России. Повесть содержала многие черты, парадигматические для последующих «вампирических» текстов: перемещения из мира цивилизации в таящие угрозу варварские земли; загадочная привлекательность вампира и т. п.

Эффект был столь разительным, что — как часто случается при использовании сильнодействующих средств — в считанные годы образ заглавного героя превратился в знак литературного штампа. В России А. С. Пушкин в III главе «Евгения Оне-

гина» (1824, публикация — 1827) представляет очерк новейшей романтической литературы:

А нынче все умы в тумане,
 Мораль на нас наводит сон,
 Порок любезен — и в романе,
 И там уж торжествует он.
 Британской музы небылицы
 Тревожат сон отроковицы,
 И стал теперь ее кумир
 Или задумчивый Вампир,
 Или Мельмот, бродяга мрачный,
 Иль Вечный жид, или Корсар,
 Или таинственный Сбогар.
 Лорд Байрон прихотью удачной
 Облек в унылый романтизм
 И безнадежный эгоизм¹.

О. М. Сомов предваряет сказку «Оборотень» (1828–1829) предисловием, где иронически пишет:

«Это что за название?» — скажете или подумаете вы, любезные мои читатели (какому автору читатели не любезны!). И я, слыша или угадывая ваш вопрос, отвечаю: что ж делать! виноват ли я, что неусыпные мои современники, романтические поэты в стихах и в прозе, разобрали уже по рукам все другие затейливые названия? Корсары, Пираты, Гяуры, Ренегаты и даже Вампиры попеременно, один за другими, делали набеги на читающее поколение или при лунном свете закрадывались в будуары чувствительных кра-

¹ Пушкин А. С. Евгений Онегин. СПб.: Азбука, 2024. С. 65.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ГРАФА ДРАКУЛЫ

савиц. Воображение мое так наполнено всеми этими живыми и мертвыми страшилищами, что я, кажется, и теперь слышу за плечами щелканье зубов Вампира...¹

М. Ю. Лермонтов в первоначальном варианте предисловия (1841) к «Герою нашего времени», защищая право автора изображать противоречивый характер Печорина, почти буквально повторил Пушкина:

Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурен, — а я вам скажу, что вы все почти таковы; иные немного лучше, многие гораздо хуже. Если вы верили существованию Мельмота, Вампира и других — отчего же вы не верите в действительность Печорина?²

Причем в эпизоде очередного расчетливого ухаживания Печорина за княжной Мери остались горькие слова героя, допускающего возможность своего отождествления с байроновским персонажем:

...она проведет ночь без сна и будет плакать. Эта мысль мне доставляет необъятное наслаждение. Есть минуты, когда я понимаю Вампира!.. А еще слышу добрым малым и добиваюсь этого названия³.

¹ *Сомов О. М.* Оборотень. Народная сказка // Русская литературная сказка. М., 1989. С. 90.

² *Лермонтов М. Ю.* Герой нашего времени / Предисл. В. А. Мануйлова; коммент. В. А. Мануйлова и О. В. Миллер. СПб., 1996. С. 196.

³ Там же. С. 155.

5. Романтический вампир — вместе с другими экстраординарными образами эпохи — к середине XIX в. стал штампом, а его литературный статус понизился до массовой продукции, представленной анонимным романом-фельетоном «Варни Вампир, или Кровавый пир» (1847). Однако в последней трети столетия монстр-кровосос снова восстал из забвения, питаясь энергетикой викторианского неоромантизма. В повести «Кармилла» (1871–1872) мастер мистической наррации Джозеф Шеридан Ле Фаню изобразил вампирессу, женщину-вампира, а вслед за ним Брэм Стокер в романе «Дракула» (1897) создал «вампирический текст», которому суждено было обновить «вампирическую» парадигму.

Оба английских писателя (кстати, оба ирландцы), согласно восходящей к XVIII в. традиции, локализуют вампиров в «чужом» пространстве Центральной Европы: Ле Фаню — в Штирии, Стокер — в Трансильвании, — однако Стокер добавляет мотив опасного перемещения вампира и его вторжения в цивилизованный Лондон. Шеридан Ле Фаню апеллирует к «вампирическим» трактатам XVIII в., список которых он заимствовал у Кальме. Стокер фактически отказался от этой линии, предпочитая книги о Трансильвании (которые к тому же свободно перерабатывал) или беллетристические источники.

В результате английский писатель сконструировал впечатляющий квазифольклорный образ,

и в современной массовой культуре получил продолжение скорее «реформированный», литературный вампир Брэма Стокера, чем фольклорный вампир.

6. Вампир XX–XXI вв. — вампир Стокера: как правило, его имя — Дракула, а признаки вампирического поведения восходят не к фольклору, но к английскому роману. Вместе с тем вампир XX–XXI вв. отнюдь не тождественен стокеровскому персонажу. Бытование Дракулы — в театре, литературе, кино и т. п. — сигнализирует как об автономизации романа «Дракула» от конкретно-исторического контекста английской «готики» рубежа XIX–XX вв., так и об автономизации заглавного персонажа от текста романа.

Интерпретация Дракулы в текстах массовой культуры апеллирует не к роману Стокера, но к его переделкам (в разных видах искусства). Сам автор сочинил первую инсценировку «Дракулы» и устроил читку в театре «Лицеум» (где служил управляющим), что должно было защитить его права на случай возможных постановок. Пьеса была принята без восторга.

Вдова писателя Флоренс Стокер в 1914 г. опубликовала его рассказ «Гость Дракулы», который рекламно дал название всему посмертно изданному сборнику Стокера «*Dracula's Guest and Other Weird Tales*». В предисловии Флоренс Стокер изложила историю рассказа:

За несколько месяцев до скорбной кончины моего мужа — я могу даже сказать, что смертная тень осеняла его, — он составил план трех сборников рассказов, и настоящий том — один из них. Я добавила к оригинальному списку ранее не публиковавшийся эпизод из «Дракулы». Этот эпизод был первоначально изъят, потому что роман получился слишком длинным, и теперь может представлять интерес для многих его читателей, полагающих, что это — самая замечательная работа моего мужа. Остальные рассказы уже были опубликованы в английской и американской периодике¹.

Некоторые специалисты ставят под сомнение точность информации, сообщенной вдовой, утверждая, что рассказ «Гость Дракулы» если и восходит к изъятому фрагменту романа, то был впоследствии переработан и завершен. В любом случае в истории литературы рассказ функционировал как новое произведение о Дракуле (*Vorgeschichte*).

В 1912 г. в далекой России выпущена книга «Вампиры: Фантастический роман барона Олшеври из семейной хроники графов Дракула-Карди», которая (как и «Гость Дракулы») излагает предысторию событий, развертывающихся в произведении Стокера (обстоятельства появления вампиресс, обитающих в Трансильванском замке). В 1924 г. Гамильтон Дин, давний приятель Стокеров, написал

¹ *Stoker B. Dracula's Guest and Other Weird Tales / Ed. by K. Hebblethwaite. London, 2006. P. 371.*

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ГРАФА ДРАКУЛЫ

и поставил инсценировку «Дракулы», которая в 1927 г. шла в Лондоне. Причем Дин «нанял медсестру, которая должна была присутствовать на спектаклях и помогать зрителям, которые реагировали на пьесу головокружением или тошнотой»¹. В том же году «Дракула» Дина пересек океан: пьеса имела успех на Бродвее, а заглавную роль играл Бела Лугоши (Бела Бласко) — артист, родившийся в венгерском местечке недалеко от Трансильвании. Ф. Стокер, преследуя в судебном порядке знаменитый фильм «Носферату» Ф. В. Мурнау (который нарушил ее литературные права), в качестве контрпроекта передала права на экранизацию романа (собственно пьесы Дина) американской студии «Universal Pictures», которая под впечатлением бродвейского аншлага с удовольствием приобрела их. В 1931 г. началась демонстрация звукового фильма «Дракула» (режиссер — Тод Браунинг, исполнитель роли Дракулы — Лугоши).

Показ начался в Лос-Анджелесе без особого шума, так как «Universal» была на грани финансового надлома. Несмотря на медленный старт, «Дракула» (первый фильм, от которого будут отталкиваться все звуковые фильмы ужасов) захватил воображение зрителей и стал самым кассовым фильмом года для «Universal». Впервые с начала депрессии студия, которой угрожало закрытие, получила прибыль².

¹ Мелтон Дж. Г. Энциклопедия вампиров. Ростов-на-Дону, 1998. С. 173.

² Там же. С. 182.

Дракула становится признанным киногероем. Параллельно создаются литературные произведения, реанимирующие Дракулу, его врагов и друзей (например, в американском романе Э. Костовой 2005 г. сюжет о воеводе-вампире пересказан по успешному рецепту «Кода да Винчи», а в России в 2001 г. издательством «Рипол Классик» опубликован игривый и игровой роман «Вампиры замка Карди», автор которого назвался Б. Олшеври-младший), комиксы и т. д.

Таким образом, стокеровский Дракула пополнил список персонажей (Голем, Тарзан, Микки-Маус, Конан и т. д.), которые эффектно иллюстрируют «смерть автора»: их происхождения не имеют почти ничего общего с романами-источниками, тяготея к «сериальной», кумулятивной композиции.

Смена канала информации сопровождалась семантическим сдвигом в восприятии вампира: в массовой культуре он фигурирует на правах героя современного фольклора и оказывает воздействие на социальное пространство. В коммунистической России А. А. Богданов, политик и мыслитель, пытался трансформировать вампиризм в кровное братство представителей общества будущего. В посткоммунистической Румынии организуются туристические маршруты по местам действия романа и исторических деяний воеводы Влада Дракулы (что в профанированном виде напоминает феномен средневекового паломничества, предполагавший переко-

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ГРАФА ДРАКУЛЫ

дирование текста Библии на пространственный текст реальной Палестины). В 1965 г. доктор Джин К. Янгсон основала «Клуб поклонников графа Дракулы». Создаются и другие организации. «Когда возникли эти группы, их руководители начали встречать людей, которые фактически заявляли, что они — вампиры»¹. Существует молодежная мода (точнее, стиль жизни), ориентированная на «готику» и поэтику вампиризма. И так далее и тому подобное.

Современный маскультовый вампир квазифольклорен (что реализует стокеровскую парадигму), однако его сверхпопулярность в этом качестве актуализирует — в «обратной» перспективе — стремление реконструировать исторические и фольклорные элементы, составляющие структуру традиционного образа мертвеца-кровососа.

¹ Там же. С. 89.

Одесский М., Михайлова Т.

О 41 Жизнь и смерть графа Дракулы : Подлинная биография одного культурного героя / Михаил Одесский, Татьяна Михайлова. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-389-31487-0

Коварный соблазнитель, уродливый старик, воин Христа, сущность, спящая в гробу. Все это — Дракула. Кажется, что он сопровождал человечество всегда — в ночных кошмарах и романтических фантазиях. Образ вампира сформировался в фольклоре, получил вторую жизнь в эпоху романтизма, а позднее стал неотъемлемой частью поп-культуры.

Михаил Одесский (Российский государственный гуманитарный университет) и Татьяна Михайлова (Институт языкознания РАН) провели колоссальное исследование и восстановили генеалогию одного из самых загадочных персонажей: от древнерусского «Сказания о воеводе Дракуле» до культового романа Брэма Стокера и его «наследников». Как выглядели первые вампиры? Какое отношение Дракула имеет к большевикам, переливанию крови и русскому символизму? Почему Дракула так часто появляется на киноэкранах? «Жизнь и смерть графа Дракулы. Подлинная биография одного культурного героя» ответит на все эти вопросы.

УДК 168.522
ББК 71.05

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ ОДЕССКИЙ
ТАТЬЯНА АНДРЕЕВНА МИХАЙЛОВА

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ГРАФА ДРАКУЛЫ
Подлинная биография одного культурного героя

Ответственный редактор Мария Нестеренко
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректоры Валентина Гончар, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 12.03.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 19.6. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

У-МН-40739-01-R